

Теоретические проблемы лингвистики *Theoretical Problems of Linguistics*

© 2011

В.З. Демьянков

Читательское замешательство: модульный подход к пониманию текста*

*Евгению Петровичу Чельшеву
с уважением и симпатией – его частый слушатель*

В рамках понятия «аудитория» разграничиваются понятия «слушатель» (читатель, зритель и т.п.) и «адресат». Типовое разграничение при этом таково: слушатель – тот, кто (вольно или невольно) воспринимает дискурс, он может с несомненностью сказать «Я – слушатель» (лучше было бы сказать: «Я слышатель», «я слышу», не обязательно «слушая», – но так не говорят). Адресат же – тот, к кому (вольно или невольно) обращается автор дискурса, «дискурсант»; о том, кому адресуется дискурс, с наибольшей несомненностью может сказать только автор.

Жизнь и художественная литература изобилуют примерами неудачной и/или неадекватной адресации, а использование неожиданных возможностей адресации дискурса является одним из направлений «художественной креативности». Так, обращаясь к одному человеку, Чацкий вдруг обнаруживает, что свои чувства изливал совсем не той аудитории.

* Публикация подготовлена при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (грант № НШ-6469.2008.6 «Оптимизация семиотических процессов в многоязычных контекстах», рук. Ю.С. Степанов), в рамках программы Отделения историко-филологических наук РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации» (2009–2011 гг.), а также при поддержке РГНФ (грант 11-04-00105а «Эволюция русского лексикона в европейской лингвистической перспективе», рук. А.Д. Шмелев) и в рамках Аналитической ведомственной целевой программы Федерального агентства по образованию Минобрнауки РФ «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 годы)» на тему: «Контрастивное исследование языков и культур: Россия и Западная Европа», рег. 2.1.3/13262, рук. В.З. Демьянков.

ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич – доктор филологических наук, заместитель директора Института языкознания РАН.

Сверхосторожный «дискурсант», ожидающий коммуникативного подвоха, использует определенные синтаксические, семантические и прагматические средства для того, чтобы не попасть в неловкое положение («в коммуникативный просак») или чтобы потом с легкостью выйти из этого затруднения. Противоположностью такому «дискурсанту» является тот, кто в глаза слушателю сообщает даже сведения и мнения, которые стоило бы адресовать лишь очень узкому кругу и которые в последующей речи «отозвать» бывает более чем затруднительно. Очень часто именно такие случаи попадают в поле зрения лингвистов-экспертов в ходе судебных разбирательств. Решающим фактором при таких разбирательствах является доказательство преднамеренности (такие преступления квалифицируются как подстрекательство) или непреднамеренности неадекватной адресации (тогда говорят: «Бес попутал»).

На расхождении между содержанием броского двусмысленного заголовка статьи и основного текста основана языковая игра, которую используют в коммерческих интересах современные нам российские СМИ. Этот прием позволяет привлечь внимание читателя, падкого на сенсацию.

В качестве материала возьмем тексты с двойной адресацией, когда автор дискурса надеется, что в каждом слушателе будут последовательно работать по два адресата: один прямолинейный и «простой, как правда»: он все понимает «по номиналу», буквально. Другой же – подобно народному контролеру, в лучшем случае, ироничен (вспомним роль эйрона): дойдя до определенного места в тексте и увидев несоответствие заголовку, смеясь, он скажет словами Гоголя: «Какая гнусная ложь!», но при этом простит автору мистификацию, а не вызовет его на дуэль, и передаст эту ложь дальше, как эстафетную палочку.

Анализируемые ниже случаи лежат на грани между открытой ложью, которую «отзывает» в своем дальнейшем тексте сам же автор, и языковой игрой. Креативность в таких случаях можно констатировать, только когда будет доказана преднамеренность (а, следовательно, и «коммуникативная вина») автора соответствующего произведения.

То, как понимают слушатели/читатели различные классы таких текстов, можно объяснить с помощью аппарата «модулей понимания». Каждый модуль соответствует одной более или менее элементарной задаче, не всегда и не обязательно решаемой слушающим/адресатом полностью. Поэтому даже неполное решение задачи по одному модулю не означает провала понимания в целом. В частности, это имел в виду Фридрих Шлейермахер, автор концепции герменевтики как универсального учения о методе, отмечавший, что постоянное непонимание – скорее правило, чем исключение: ведь значение всего сказанного несет на себе отпечаток индивидуальности – как автора, так и его адресатов.

Модуль 1. Знание языка

Когда Вы спрашиваете: «Понимаете ли Вы по-русски?» или, еще категоричней и менее вежливо: «Вы понимаете русский язык?», тематизируется именно эта первая задача. Или когда говорят: «Я употребил это слово не в буквальном, а в переносном смысле». При этом стандарты владения языком у собеседников весьма индивидуальны.

С этим модулем связаны два «канона» понимания у Фридриха Шлейермахера.

1. Все в речи, что нуждается в уточнении, допускается почерпнуть только из того набора знаний, который является общим для автора и его адресата [3, 41].

2. Смысл каждого слова в каждом месте текста следует устанавливать по тому, как это слово сосуществует со своим окружением [3, 69].

Но не будем забывать, что одни и те же лексические и грамматические средства разные люди имеют право употреблять по-разному. Гармония между собеседниками в употреблении языка – результат их кооперации, их усилий и не задана изначально сама по себе. Гармония эта рождается по ходу сотрудничества собеседников.

Возьмем следующий пример из газеты «Коммерсант»:

«Дмитрий Медведев взял на себя труд...

В течение марта Дмитрий Медведев формировал пакет мер для повышения статуса инженерных специальностей и улучшения подготовки инженерных кадров. Вчера президент открыл новую тему:

улучшение условий труда и повышение квалификации рабочих. Открывая заседание, он сначала описал проблемы. По его словам, в металлургии, в недропользовании, в строительстве, на перерабатывающих комбинатах численность рабочих "до сих пор" составляет более 70% (в общем количестве работающих)...» (Коммерсантъ, 6.04.2011).

В нормальном словоупотреблении *взять на себя труд* представляет собой предикат, в котором объект *труд* инкорпорирован, т.е. не мыслится отдельно. Воспринимая при первом предъявлении данное заглавие, интерпретатор тоже так сначала думает, а потому-то и ломает голову: отчего же нет инфинитива после этого инкорпорированного предиката? Но дальнейшее чтение заставляет читателя переинтерпретировать *труд* как неинкорпорированный объект: Медведев будет теперь заниматься вопросами труда (а заодно и зарплаты).

Очень похожее положение – в следующем случае:

«Алексей Кудрин ответит за снижение страховых взносов» (Новости Business FM, 6.04.2011). Читателю, испорченному знанием киноклассики, сразу же видится: «За козла ответишь!» Ан нет:

«Снижение страховых взносов в социальные фонды до 26% с нынешних 34% с введением плоской шкалы увеличит дефицит пенсионной системы, считают в Минфине. Тем не менее, Путин назначил Кудрина ответственным за снижение страховых взносов».

Модуль 2. Выдвижение и верификация гипотез о смысле всего текста: понимание текста как решение проблемы

Понимая речь, мы не ждем ее завершения, наше понимание происходит параллельно тому, как текст появляется в нашем сознании. Вот это появление и развертывание текста и можно назвать **дискурсом**. На каждом этапе восприятия мы обычно имеем дело одновременно с несколькими равновероятными гипотезами о результирующем смысле речи. От этого общение становится гибким, получает одновременно несколько различных направлений – «измерений». Однако и восприятие такой речи другим человеком от этого затрудняется. Ведь слушатели должны при этом перебегать от одной гипотезы к другой. А говорящие или пишущие всегда рискуют что-нибудь сказать не в самый удачный момент – слишком рано или слишком поздно. И неизвестно, что хуже: ляпнуть невпопад или забыть сказать.

Креативный человек бывает и изобретательным слушателем-интерпретатором, иногда даже

слишком изобретательным. Подобно профессиональному герменевту, выполняющему свои процедуры по определенным правилам (вспомним Хладениуса, затем Шлейермахера и т. д.), он выстраивает иерархии правдоподобия для своих гипотез о смысле целой речи. Но старается при этом действовать «себе на пользу», заинтересованно отсеивая смыслы, явно невыгодные для решения других задач, в рамках других модулей понимания. Понимание предвзято, вот почему в крайнем случае бывает так, что предвзятое понимание текста мешает увидеть нечто из того, что хотел сказать или написать его автор. В идеале хотелось бы, чтобы предпонимание, или предвзятость в понимании, не блокировало решение всей задачи.

Например, интертекстуально следующее заглавие: «Суд запретит приезжим жениться». Оно напоминает русскую народную песню: «Не велят Андрияшке жаниться». Однако, прочитав собственно текст, мы видим, что только фиктивные браки будут судом (видимо, со свечкой) караться. Таким образом, поспешно состряпанная читателем гипотеза о поголовном безбрачии компрометируется на следующем шаге испуганного чтения:

«Ни для кого не является секретом, что для легализации в стране иммигранты зачастую прибегают к фиктивному браку. Прежде всего, приезжих привлекает временное разрешение на проживание, которое они получают, согласно закону "О правовом положении иностранных граждан в РФ". Напомним, что согласно его основным положениям, разрешение на проживание получает любой иностранный гражданин, вступивший в брак с россиянином. Разумеется, что это дает широкий простор для мошенников» (Труд, 6.04.2011).

Модуль 3. Освоение сказанного

Слушающий, воспринимая дискурс, по частям, по мере поступления все новых предложений в фокус внимания, моделирует внутренний мир автора речи – промежуточный срез со своими законами и динамикой. Чужой внутренний мир нам никогда не бывает дан целиком, а представления о нем состоят из фрагментов внутреннего мира интерпретатора. Слушающий/читающий вкладывает свои духовные богатства в смысл осваиваемого текста. Именно поэтому я употребляю термин *освоение*. Без такого освоения понимание невозможно в принципе.

Возьмем такой пример: «Домодедово получило право на недосмотр». Чтение этого заголовка глазами службы безопасности дает прямое попадание в требуемый смысл: речь идет об отсутствии необходимости досматривать багаж какого-либо

гражданина целиком. Но такие читатели – в меньшинстве. Большинство понимает слово *недосмотр* как «ошибка», как немецкое *Versehen*. Право на ошибку вряд ли звучит правдоподобно, а потому вызывает у читателя предвкушение сенсации, подобно праву на убийство, даваемому далеко не всем. Мы дорастаем до целевого смысла дискурса, лишь «освоив» промежуточный буквальный смысл и засомневавшись в его состоятельности из-за его бытового неправдоподобия:

«Суд разрешил аэропорту проверять не всех

Аэропорт Домодедово в суде доказал, что не обязан досматривать всех посетителей аэровокзального комплекса, как того потребовал президент России Дмитрий Медведев после теракта 24 января. Это указание до сих пор не отменено и строго выполняется. Впрочем, решение суда вряд ли приведет к отмене тотальных досмотров» (Коммерсант, № 63 (4604), 12.04.2011).

Модуль 4. Реконструкция речевых намерений автора дискурса

Это установление того, что же в итоге человек хотел сказать. В результате соотносятся: прямой смысл сказанного и представление о действительных и кажущихся намерениях автора.

Эта ситуативная задача уводит нас далеко от распознавания значения разрозненных слов. Решая эту задачу, читатель должен попытаться угадать, куда клонит автор, порой неграмотно или неправильно пользующийся языком. Но вот зачем читателю это? Что у него, своих личностных жизненных смыслов нет? Думаю, потому, что понимание другого человека является одним из удовольствий, подаренных нам человеческой природой. Это удовольствие сродни еде, питью и любви к ближнему и к дальнему. Духовно богатый слушающий позволяет себе быть очень разборчивым в своих привязанностях к различным говорящим, не всем в одинаковой степени он склонен дарить свою благосклонность и симпатию.

Возьмем, например, заголовок: «У москвичей отбирают загранпаспорта». Подозрительность и ожидание пакостей заставляют читателя предвкушать следующую в его жизни неприятность: мы сейчас потеряем то, за что так давно боролись. Однако затем, прочитав основной текст, большинство вздыхает с облегчением: «Слава Богу, это не обо мне!»:

«Федеральная служба судебных приставов (ФССП) запретила выезжать за границу более чем шести тысячам москвичей. Теперь они не смогут уехать отдохнуть на майские праздники, пока не

рассчитаются со своими задолженностями и не получают отобранные загранпаспорта» (УТРО.ru, 21.04.2011).

Модуль 5. Установление расхождений между внутренним миром слушателя и «модельным миром» дискурса

Модельный мир – его мы выстраиваем по ходу чтения текста – на каждом этапе реконструкции обладает целостностью, но законы этого мира не всегда совпадают с законами реального мира (ср. текст сказок и мистификаций). Легче всего понять то, что укладывается в мерки мира самого интерпретатора. Недоразумения – результат того, что свой внутренний мир интерпретатор отождествляет с модельным.

Так, прочитав следующий заголовок, мы заранее радуемся тому, что скоро нам перепадет часть чужого богатства: «Губернаторы поделились доходами с народом». Но основной текст той же заметки вливает ложку диссонанса в нашу радость:

«Главы регионов доложили о своих квартирах и машинах...

Главы регионов, проявив законопослушание, включились в кампанию по обнародованию сведений о своих доходах и имуществе. Она традиционно стартует 1 апреля» (Известия, 6.04.2011).

Модуль 6. Распознавание и сопоставление отношений внутри внутреннего мира и внутри модельного мира

Этот модуль руководствуется принципом «связной целостности понимания», к которой следует стремиться слушающему (по Оригену): при кажущихся несоответствиях между различными эпизодами текста следует стремиться к гармонизации, к восстановлению связности и логичности текста.

Например, так интерпретируется следующий краткий текст с красноречивым заголовком: «Россия поставит на "счетчик"»:

«...в Госдуму внесен скандальный законопроект, вводящий по всей стране поборы за "техобслуживание" счетчиков воды» (ЭнергоВОПРОС.ru, 4.04.2011).

Модуль 7. Баланс между модельным миром и непосредственным восприятием внешнего мира в знаниях интерпретатора

Понимание – что-то вроде модифицирования мысленной «базы данных»: пополнение ее новыми

единицами и удаление из нее скомпрометированных сведений. В итоге в более поздних эпизодах понимания используется не навсегда заданный каталог истин, а его рабочая версия. В частности, знанию исторических фактов приписан не тот же статус, что знанию сказок.

Например, когда заголовок передает мнение человека, вызывающего скорее общее недоверие, и это выясняется только из последующего чтения: «Глава Банка Москвы собирается просить в Британии политического убежища...». После этого заголовок имеем следующий текст:

«Президент *Банка Москвы* Андрей Бородин может попросить политическое убежище в Великобритании, заявил давно уже живущий в Лондоне бизнесмен Борис Березовский в интервью Daily Mail. "Насколько я знаю, он будет просить предоставить ему политическое убежище в Британии", – сказал *Березовский*» (Gazeta.Ru, 6.04.2011).

Модуль 8. Отношения между пониманием и другими действиями слушателя

Симптом понимания – готовность к действиям, прямо или косвенно задаваемым содержанием самой речи. Восприятие речи, в сущности, обладает той же природой, что гипноз. Вы слышите слова: «У Лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том...» – и перед мысленным взором тонких и чувствительных натур сразу же возникают дуб, золотая цепь и т.п. Все это мы хотя бы на мгновение видим, когда читаем эти стихи: мы выполняем действия, предписываемые нам речью.

Этические нормы общения обычно адресованы говорящему: «Не злоупотребляй гипнозом и не навязывай свои мнения другим». Аналогичную рекомендацию мы можем прописать и слушающим/читателям: «Положитесь на говорящего, поддайтесь гипнозу хотя бы на сеанс понимания его речи».

Модуль 9. Выбор и смена тональности понимания

Поскольку понимание – процесс и результат нескольких довольно разных операций, интерпретатор должен выбрать ключ, или тональность, в которой он проигрывает всю симфонию интерпретации текста. Этот ключ придает единообразие, общую стилистику понимания дискурса. Этот же ключ задает единую атмосферу понимания в рамках более или менее продолжительного эпизода понимания речи. Скажем, атмосферу сверхдружественную: тогда вы прощаете абсолютно любые огрехи и несутражицы. Или абсолютно критичную: все в тексте,

как вам кажется, не выдерживает никакой критики. Или – посередине – ироничную атмосферу понимания.

Возьмем, например, следующую заметку:

«Путин: природных бедствий в России становится больше год от года...»

Премьер-министр РФ Владимир Путин на совещании по улучшению прогнозирования опасных природных явлений заявил, что их количество ежегодно увеличивается в России на 6–8%. Путин сообщил, что на базе Росгидромета, на модернизацию которого в 2011–2013 году направят 14 миллиардов рублей, планируется создать систему предупреждения стихийных бедствий» (RIA Novosti, 6.04.2011).

В одном ключе мы воспринимаем весь текст абсолютно серьезно. Но возможен и ироничный ключ: Путин знает, что природных бедствий вряд ли становится больше год от года, однако он хочет с грустной иронией отметить, что средств учреждениям, ликвидирующим катастрофы в нашей стране, выделяется все больше и больше.

Заключение

Интерпретативное замешательство, вызываемое расхождениями в интерпретации заголовка и содержания основного текста статьи, является разновидностью «когнитивного диссонанса» [2]. Гипотезы о преодолении такого диссонанса позволяют объяснить работу некоторых механизмов понимания речи.

Плохо или хорошо вызывать в читателе необоснованные ожидания сенсации – вопрос этический, который требует более глубокого контрастивного исследования различных современных культур. Ведь «языковые игры», связанные со всеми подобными противоречиями в дискурсе, в различной степени терпимо воспринимаются слушающими/читателями в различных культурах. Так, российский слушающий/читающий гораздо терпимее относится к противоречиям между заглавием и содержанием текста, чем немецкий. В России в таких случаях даже оскорбленный в лучших чувствах читатель не торопится в суд за выяснением подробностей и за компенсацией морального ущерба. А в Германии когнитивный диссонанс может стать причиной для последующих серьезных действий читателя-потерпевшего.

Литература

1. Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. М.; Тамбов, 2005. № 3.
2. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / [Пер. А. Анистратенко, И. Знаешева]. СПб., 1999.
3. *Schleiermacher F. Hermeneutik und Kritik mit besonderer Beziehung auf das Neue Testament: Aus Schleiermachers handschriftlichem Nachlaße und nachgeschriebenen Vorlesungen.* Hg. v. Friedrich Lücke. Berlin, 1838.

ON READER'S PREDICAMENT: A MODULAR APPROACH TO THE TEXT COMPREHENSION

V.Z. Demyankov

Summary

Headlines of some modern Russian newspaper articles may sometimes contradict the facts described in the text proper. The degree of tolerance to language games based on such contradictions can vary and depends on the culture. An interpretive modular approach to the text understanding is supposed to explain how these contradictions are resolved by readers.

Ключевые слова: модульный подход к пониманию текста, язык СМИ.

Key words: modular approach to text comprehension, language of modern mass-media.

